

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 3:372.8

*О.В. Выдрин*ФИЛОСОФСКИЙ И КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТЫ
ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ ВЛАСТИ

Рассматривается понятие власти в более широком, чем только политический, контексте. Аргументируя этот тезис, автор ссылается на антропологические характеристики власти, в качестве которых считает свободу, цель и волю.

Ключевые слова: власть истины; власть метафизики; власть знания; воля к власти; воля к жизни.

В философской и социально-политической литературе власть и властные отношения обычно связываются со способностью и возможностью субъекта выразить политическую волю, используя специальную технологию и имея для этого финансовые, интеллектуальные и информационные ресурсы. В качестве последних могут называться различные социокультурные факторы – авторитет, сила, знание, информация, традиция, закон, техники манипуляции и т.п., – но всегда в использовании любого из них должен присутствовать диктат политического интереса. Между тем исследование властных отношений позволяет выявить и другие – не только политические – аспекты их содержания, позиций, установок и действий. Контекст статьи предлагает снять сложившуюся историко-культурную редукцию и увидеть власть более широко – как характерную для человека форму бытия в целом и выражение его свободного, волевого и целеполагающего присутствия в мире. Свобода, воля и цель – общие характеристики понятия «власть», отличающие человека от природного существования и обнаруживающие своё антропологическое значение не только в политике.

Природа не обладает властью в силу отсутствия свободы существования всего природного сущего. Свобода здесь не проявляет своего властного действия, поскольку каждая природная особь, будучи наделённой инстинктуальной программой, не нуждается в рефлексии, не знает (не осознает) себя, зажата в тиски природной необходимости. Инстинкт заменяет рефлексивную волю, подавляет саму возможность свободного действия, не создаёт условий для появления способности целевого поведения. Контекст наших рассуждений о власти создает необходимость сделать вывод о том, что безрефлексивное природное бытийствование, т.е. отсутствие свободы, воли и целевого действия, создает ситуацию безвластного плана существования.

Рефлексивный характер власти, связь властных отношений с общим, не редуцированным только до политики планом существования человека наметился уже в философии Платона. Любовь к истине как власть и обладание ею через рационально-сущностное обобщение и упорядочивание мира в эйдосах как познавательное присвоение его всеобщего и потому истинного содержания – таков общий мотив платонической любви к миру.

Тем не менее модус политики в истории и культуре формирования понятия власти всегда был наиболее репрезентативен. Это объясняется спецификой классического философского стиля мышления, ориентирую-

щего на поиски предельного основания сущего, с тем, чтобы именно ему вменить власть. Метафизика как стиль философского классического мышления полагает необходимость признания властного начала мира – «архэ». Оно чаще всего и виделось в политике.

Соответственно такому стилю властные отношения указывают и на источник силы, и на её подчиняющий характер. Об этом говорит этимология «архэ», которое в греческом означает «править» и «начинать» одновременно. Метафизическому предельному началу – «архэ», или субстанции, – греки вменили порождающую силу. Но субстанция как «начало» обладала безусловной властью над миром. Объясняя и обосновывая его в целом и в отдельных фрагментах, сама она, однако, оставалась вне всяческих обоснований. «Вода» Фалеса, «огонь» Гераклита, «атом» Демокрита – это авторитетные «начала», детерминирующие мир, властно его выстраивающие, скрепляющие в единство и упорядочивающие. Отношения власти как конструкции «архэ», в котором источник силы и само её проявление до сих пор этимологически просматриваются в значении «первый» и «главный» в словах «архитектор», «архиепископ» и др.

Идею силы воспринимает от Древней Греции вся западноевропейская традиция складывания властных отношений. Теоретически оформил эту традицию Н. Макиавелли. Период Возрождения рождает культуру гуманизма как «инстинктивного индивидуализма», – так наш отечественный философ С.Л. Франк назвал специфику общественного существования западноевропейского характера [1. С. 48]. Понятие власти, как оно здесь представлено, не могло не выразить этой специфики. Владеть означает захватить и подчинить (иначе подчинят и захватят тебя), цель оправдывает средства и т.п. – всё это выражает теоретическую позицию, форму практического функционирования власти и исследовательскую установку по разработке и внедрению в практику социальной жизни властных отношений.

Таким образом, связь власти с политическим происхождением и силой осуществлялась по той схеме, которую диктовала философия и предложенный ею стиль конструирования социальной и природной реальности. Возникая как гносеология, классическая философия искомое метафизическое «начало» обнаруживает в истине и отдаёт ей в системе знания центральное место и главную роль. Как и любая субстанция, истина в своём гносеологическом предназначении удерживала

научное знание в упорядоченной, строго системной форме, осуществляла над ним власть, отвечала за её теоретическое построение. Именно истина указывает на сущность вещи или процессуального действия, на субстанцию как на их предельное обобщение. Вся высокая классика истины видела именно в таком ракурсе, политический же её резонанс, связанный с отношением к власти, имел, таким образом, метафизические основания. Будучи связанной с теоретическим уровнем науки, истина под себя отбирала и фильтровала всю научную эмпирию, оставляя только то, что ей не противоречило. Она «правила», управляла всем содержанием науки, властвовала над ним.

В силу высокого авторитета науки, ее рационализма, имеющего для западноевропейской культуры инструментальное значение, все прочие социальные и культурные структуры свои властные отношения строили по образцу власти научной истины. Власть означала всеисилие разума. Рационально найденная научная истина, таким образом, из рамок только науки выходила в культуру и обуславливала характер развития социальности в целом. Просвещенческая гносеологическая модель, базируясь на власти истины, дала образец для развития всех социокультурных институтов, которые в качестве принципа достижения своих целей этического, экономического, политического и т.п. характера приняли власть. Организация и функционирование всех культурных сфер осуществлялись по образу, который задавала наука.

В современной философии методология такой организации социальности названа метарассказом [2. С. 10]. Метарассказ в своей властной силе обнаруживал себя в характере установления политических режимов, в действии государственных законов, установлении этических норм и эстетических канонов. Принцип истины, её характеристики общезначимости, абсолютности, внеисторичности, внеконтекстуальности влияли на понятия справедливости, блага, политики, красоты и т.д. – на все явления социокультурной жизни. Своеобразный научный шовинизм истины придавал ей и своеобразное великодержавное поведение не только в науке. Он конституировал и жесткий образ общества в целом: все должно было подчиняться единому административному началу. «Начало» как «архэ» и истина властвовали.

В силу методологического резонанса научной истины во все структуры социальности и культуры вопрос о власти, ставший уже со времен Платона как вопрос о знании, в XX в., когда знание трансформировалось в информацию, приобретает особенно актуальное значение. Исследуя специфику информационного общества, Ж.-Ф. Литар считает, что обращение законодателей к научной истине вызвано необходимостью ссылки на её авторитет: надо иметь право решать, «что верно, а что нет». Поэтому «в эпоху информации вопрос о знании более, чем когда-либо, становится вопросом об управлении, существует родство между наукой и политикой: и первое, и второе вытекают из одной перспективы» [2. С. 28].

Если иметь в виду психологический план понятия власти, то он свидетельствует о ней как об отношении лидерства, которое, однако, устанавливается не только в человеческих отношениях. Политическая власть, та-

ким образом, имеет не только антропологические, но и природные основания. Метафизика власти – в её всеобщей природной субстанции – в инстинкте, в подсознательной интенции и природном влечении преобладать. Генезис власти в этом смысле можно обнаружить и в дочеловеческих формах существования. Так, М. Шелер видит начало властных отношений в «чувственном порыве», который свойствен всей природе, а на антропологическом уровне трансформируется в стремление человека к самореализации, самостоятельному свободному, волевому и целенаправленному определению собственного места в мире [3. С. 135].

То же говорит и Ф. Ницше, когда обосновывает наличие «воли к власти в природе» «самой по себе»: «Неизменное следование друг за другом извечных явлений доказывает не существование “закона”, а отношение власти между несколькими силами... Я остерегаюсь говорить о химических “законах”; в этом есть какой-то моральный привкус. Здесь дело идёт скорее об абсолютном установлении отношений власти: более сильное становится господином более слабого... в этом нет ни сожаления, ни пощады, ещё меньше уважения к «законам!» [4. С. 294]. А. Шопенгауэр, высказывая тезис о «воли к жизни», также свидетельствует о возможности видеть широкую сферу властных отношений. Он считает, что в природе власть осуществляет «закон основания, который господствует над каждым объектом» [5. С. 80]. В человеческой природе заложена «активность и воля», «порыв», «власть» к существованию. А. Шопенгауэр отождествляет жизнь «с агрессивным-активистским самоутверждением – полаганием себя и своих ценностей как безусловное навязывание и подавление» [6. С. 33]. Власть оказывается необходимой формой проявления жизни.

Власть, понимаемая в связи не только с политикой (и даже не только с человеческим планом существования), но со свойственным всему живому стремлением к приоритету, проявлением «чувственного порыва», конечно, не может быть объяснена обязательно через агрессивное поведение и силу. Она обнаруживает себя в иерархии и соревновательности интеллекта, терпимости, приспособления, хитрости и т.п. Власть – «функциональное бытие приоритета» [6. С. 34].

Если говорить о России и нашем контексте понимания соотношения истины, силы и власти, то нельзя не заметить некоторую специфику. Здесь понятие истины приобретало облик правды. Иррационализм в мышлении оказывался причиной необязательной связи правды с всеобщей субстанцией, и потому всё (даже различного рода политические ошибки и просчёты) могло быть оправдано.

Русское слово «власть» является однокоренным со словом «владеть». Причем «владеть» видится в двух планах. Во-первых, человек принципиальным образом отличается от всего прочего в мире тем, что только он владеет (т.е. имеет, наделен) духовным началом. Во-вторых, власть здесь понимается как следствие соборной жизни, в условиях которой необходимо овладеть общей соединяющей силой. Власть в русской традиции не соотносится с подчинением и предполагает владение как вхождение в те отношения, которые устанавливаются в соборе.

Проблему власти в русской социокультурной традиции разрабатывали П.И. Новгородцев, Б.А. Кистяковский, А.И. Петражицкий, В.С. Соловьев, Е.В. Спекторский, Е.Н. Трубецкой, Б.Н. Чичерин и др. Всем этим исследователям – философам, юристам, педагогам и политическим деятелям – было свойственно отделять институт власти как служения по правде от власти как силового административного управления социально-политического, экономического и правового характера. Вопрос П.И. Новгородцева: «Что выше: величие государства, социальный, “общественный идеал” или жизнь конкретного человека?», – задаётся, конечно, риторически [7. С. 102–139], поскольку позиция соборной личности и соборного устройства общества принципиально исключает отношения насилия. В соборном существовании власть есть объединяющая сила и появляется как следствие того, что человек ощущает себя в свободе только в единстве с другим. Власть есть условие свободы, она обеспечивает основное социальное отношение – нравственное тяготение людей друг к другу. Поэтому русская власть теоретически традиционно обосновывается спецификой психологической структуры человека, в которой, считается, есть искание власти и желание подчиняться.

В отличие от западноевропейского рационализма в устанавлинии властных отношений русская социальность хотела быть женственно романтической. Она приняла идеал поэтического созерцания, которым нельзя владеть, но ему можно и должно было подчиняться как высшему началу.

В то же время русское «владеть» имеет отношение к словам «властитель», «владыка», «владычествовать». Общий корень указывает, главным образом, на экономическое значение и содержание: «собственник», «хо-

зяин», землевладелец, имеющий на земле место (поместье), «помещик». Экономика обуславливала все уровни иерархии и властвования: кастовый, политический, внутрисемейный и пр. Связь власти с богатством и собственностью в России впервые, пожалуй, обнаружила себя в правление Ивана Грозного, когда он заселил государственные окраины боярами, боясь их властного усиления. На периферии страны тогда жили беглые, которым не нравились новые поселенцы и которых бояре боялись. Царь на это и рассчитывал, ибо понимал, что под страхом, который на бояр наводила вольница, они не станут ему противостоять. Напротив, в страхе они могли надеяться только на царя.

Экономические основы власти, её тяга к богатству активно стала проявлять себя, когда появляется бюрократия как специально созданный аппарат управления. Бюрократия заявила о себе в своём стремлении к богатству, экономическое воздействие стало приравниваться к воздействию властному. Историк С. Соловьев приводит примеры жалоб на государевых служащих как новых управителей, несправедливо собирающих подати: «Твои государевы дьяки, подьячие твоим денежным жалованьем, поместьями и вотчинами пожалованы, а будучи беспрестанно у твоих дел и обогатев многим несправедным, от своего мздоимства, покупали многие вотчины, и дома свои построили многие, палаты каменные такие, что неудобно сказать» [8. С. 245].

Таким образом, понятие власти, всегда имея единые основания и подчиняясь в принципах своего определения метафизическому стилю мышления, в разных типах культур приобретает различное содержание, снимает разные исторические условия. Смена стиля мышления и культурного состояния в тот или иной исторический период ведут к изменению содержания власти и форм её проявления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Франк С.Л. Духовные основы общества. М.: Республика, 1992. 510 с.
2. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М.: Алетей, 1998. 160 с.
3. Шелер М. Положение человека в Космосе // Шелер М. Избранные произведения. М.: Гнозис, 1994. 490 с.
4. Ницше Ф. Воля к власти: опыт переоценки всех ценностей. М.: REFL-book, 1994. 352 с.
5. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление // Шопенгауэр А. Собр. соч.: В 5 т. / Пер. с нем. Ю.А. Айхенвальда. М.: Московский клуб, 2002. Т. 1. 395 с.
6. Красиков В.И. Метафизика самоопределения. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1995. 220 с.
7. Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М.: Пресса, 1991. 639 с.
8. Соловьев С. Сочинения. История России с древнейших времён. М.: Мысль, 1992. Т. IX. 718 с.

Статья представлена научной редакцией «Культурология» 19 ноября 2008 г.